

Глава 49

У духовного чиновника есть сон

Прикосновение к этим воспоминаниям, даже к самому их краю, вызвало у Чанхэ дрожь, пронзившую всё его тело.

Как он мог забыть?

Как мог, словно последний трус, умолять Се Хуньи лишить его разума!

Все эти годы он смотрел на выцветшую тесьму для волос, и сердце его наполняла лишь смутная тоска. Столь мучительное прошлое было с лёгкостью вырвано из его памяти. Как он теперь посмеет взглянуть в глаза Сяо Хунь?

Неужели, встретившись с ней снова на Призрачном пути Скорбного источника, он скажет ей, что отец забыл её, а Баоши по-прежнему разгуливает на свободе?

Чанхэ застыл на месте, а затем с силой ударился головой о колонну, желая размозжить себе череп, лишь бы унять подступившее удушье.

Но он давно уже был чудовищем, ни живым, ни мёртвым.

Даже если бы он пробил себе голову, из раны потекла бы не кровь, а лишь густой чёрный туман.

Тень обвилась вокруг него, с любопытством приюхиваясь к тёмной дымке, и тут же ухватила за руку, не давая сползти на землю.

В помутневшем сознании Чанхэ возник образ: фигура с фонарём, идущая сквозь снег.

Се Хуньи беззвучно появился за пределами Паньюаня. Тогдашний страж заставы, истёртой ветрами, превратился в существо, которое нельзя было назвать ни человеком, ни призраком. Тогдашний наследный принц Чанлю тоже был укрыт снежной пеленой.

Он подвёл своего принца.

— Я, такой неверный и бесчестный грешник, умудрился дожить до сегодняшнего дня? — с горечью усмехнулся Чанхэ.

— И это твой выбор? — спросил Се Хуньи.

— Нет! Сяо Хунь... и все души, погибшие в Паньюане... они ещё не обрели покой, как я могу просто умереть? Баоши! Я должен убить его собственными руками!

— Верно, — склонился к нему Се Хуньи. — Искалеченное тело тоже может быть полезным, не говоря уже о яде ненависти в сердце. Вчера ночью в город проник Би Лин. Когда разразилась снежная чума, она распространялась через людей, разрывая их одного за другим. Не кажется знакомым?

Мурашки пробежали по затылку Чанхэ, и он выпалил:

— Техника падающего града и летящего инея!

— Столь коварные методы исходят из одного источника, — задумчиво произнёс Се Хуньи. — Если я не ошибаюсь, Баоши, скорее всего, является наставником Би Лин.

В Сюэлянь существовала система «высших» и «низших» мест. Наставник передавал ученику свои техники, а тот творил зло повсюду, и вся «мясная дань», которую он собирал, засчитывалась наставнику. Чем больше последователей было у ветви, тем большей благосклонностью духа снега она пользовалась и тем больше имела шансов получить доступ к высшим техникам.

Хороший ученик был подобен острому клинку.

Би Лин, распространив снежную чуму, сослужил неплохую службу. Его гибель стала бы для Баоши большой потерей. Теперь, когда Се Хуньи был заражён кровью Матери Чумы, Би Лин ни за что не упустит такой шанс. Выманить змею из норы — лишь вопрос времени.

— Оставив Би Лин в живых, мы непременно чего-нибудь добьёмся, — сказал Се Хуньи.

— Даже так, градоначальник не должен был подвергать себя такому риску! — воскликнул Чанхэ.

Разумеется!

Рука Се Хуньи, гладившая курильницу, замерла.

С техникой Переплавки Тени в Поднебесной мало кто мог его ранить. Но на этот раз его поймали с поличным, и даже такой сдержанный человек, как Чанхэ, принялся его отчитывать. От этого у него разболелась голова. Вот такая морока с обретшими разум марионетками.

И в этом тоже виноват Дань Фэн!

— Да, моя вина, — отозвался Дань Фэн. — Потому я и пришёл извиниться.

Он проиграл полшага и, боясь, что Се Хунъи его прогонит, заметно присмирел.

Тем не менее история Чанхэ заставила его сердце дрогнуть. Он словно ступал по тонкому льду, не зная, какой шаг станет роковым.

Чанхэ, будучи воином, нарушил клятву защищать заставу и был обречён на муки. Он собственными глазами видел, как его дочь разрывает на части град, который он сам же и принёс. Он потерял и семью, и родину.

Но что же сделал он сам, что забыл всё так начисто?

Нет, так больше продолжаться не может. Если он сам разобьётся вдребезги — что ж, так тому и быть, но он боялся, что возмездие падёт на других!

Дыхание Дань Фэна стало прерывистым, и Се Хунъи искоса взглянул на него.

Действие крови уже прошло. Лицо Се Хунъи снова стало бледным, как треснувший фарфор, острым и холодным. Холод подступил к горлу, и он несколько раз кашлянул. В кашле слышался звук, похожий на треск льда, от которого становилось не по себе.

— Градоначальнику сейчас нельзя оставаться без него, — с тревогой сказал Чанхэ. — Хоть он и дерзок, но, как мне кажется, не питает к градоначальнику дурных намерений. Может быть...

— Недостаточно дерзок? — с негодованием перебил Се Хунъи.

Чанхэ замолчал.

Дань Фэн шикнул и потёр переносицу, на которой осталась белая пыль от камня.

— В покоях мне не место, но ведь в твоём поместье есть и другая работа? Уж в чём, а в ловле последователей Сюэлянь я разбираюсь.

— Градоначальник, может, привязать его и пустить ему кровь? — предложил Чанхэ.

— ... — Се Хунъи не ответил, лишь отвернул руку и легко махнул ей. — И так уже разит кровью. Холодная она ещё отвратительнее.

Чанхэ хватило смекалки понять намёк, и он поспешно удалился.

Колокольчик на карнизе звенел, и звук его был невыразимо печален.

Снежный отблеск на колокольчике ослеплял, словно холодная, мягкая ручка легонько коснулась глаз Чанхэ.

— Сяо Хунь! — неосознанно вырвалось у него. Иллюзия тут же рассеялась. Лишь тень, прислонившись к карнизу, играла с колокольчиком.

Чанхэ больше не мог сдерживаться. Вся боль, что накопилась в его сердце, могла быть высказана лишь в этот миг.

— Ваше Высочество не винит меня?

— Ты клялся защищать свою землю. Ты в долгу не передо мной, — холодно ответил Се Хуньи.

— В долгу... — с горечью усмехнулся Чанхэ. — В конце концов, я всех подвёл. В последний миг Сяо Хунь оттолкнула меня.

— Её мать рано умерла, а я вечно был в отъездах, не уделял ей внимания. До пяти лет она бегала с растрёпанными волосами и босиком, садилась в мой шлем и представляла, что скачет на лошади. Я и не заметил, как она выросла.

— Она просила у меня тесьму для волос. В заставе такую было не найти, так что я принёс ей пучок белого тростника. Она им одежду отряхивала, пух летел во все стороны. Наверное, ей не понравилось... Иногда я думаю, хотела ли она такого отца?

На этот вопрос ответа тоже не было.

Он вдруг вспомнил о принце, стоявшем перед ним. В таком юном возрасте, во время падения Чанлю, разве он мог понять отцовские терзания? Сердце Чанхэ сжалось от боли.

— Ваше Высочество и государь тоже так расстались?

Едва произнеся эти слова, он понял их неуместность. Как он смел сравнивать себя с правителем Чанлю!

Когда он уже собирался извиниться и уйти, до него донёсся тихий голос Се Хуньи, рассказывающий историю, которую никто никогда не слышал.

— В начале войны на отца было совершено покушение. С тех пор как Сюэлянь вторглись в наши земли, прорвали оборону и устроили резню, и до самого дворцового переворота в Чанлю,

он так и не пришёл в себя.

— В последний день я должен был принести себя в жертву духовному источнику. Он, собрав последние силы, ударил меня мечом в спину. Его рука была такой иссохшей, но она не дрогнула. Я думал, он не может убить меня глядя в глаза. Я был готов умереть, ему не нужно было этого делать! Но он сказал... Злая радуга.

— «Нисхождение злой радуги в мир, великая беда для Чанлю». Оказывается, вот с какими чувствами отец всё это время смотрел на Изумрудную завесу и облачную ширму. Жаль, что тот удар не убил меня. Было уже поздно.

— Мою жизнь он не смог забрать. Но твою жизнь оставила Сяо Хунь.

Чанхэ резко поднял голову, не веря своим ушам.

— В тот день, прояви ты хоть малейший страх перед смертью, тот град обрушился бы на тебя, подарив запоздалое избавление, — равнодушно произнёс Се Хунъи. — Но ты лишь отчаянно обнимал её призрак. Это Сяо Хунь попросила меня даровать тебе покой.

В Паньюане, за быстро закрывшимися воротами, Се Хунъи встретился с одинокой душой девочки. Тёмные, печальные глаза Сяо Хунь смотрели на его тень, и её губы беззвучно произнесли три слова: «Спаси его!»

Лишь одинокая душа, неприкаянный призрак, мог молить о помощи тень.

— С того дня, как Сюэлянь начали свою игру, пешка остаётся пешкой, где бы ты ни оказался. Сожаления бесполезны. Лишь отрубив ту руку, ты сможешь положить этому конец, — зловеще произнёс Се Хунъи. — Клятву Чанлю нельзя нарушать, и ты скоро снова всё забудешь. Но этот день настанет.

— Благодарю вас, градоначальник! — прерывисто дыша, с почтением поклонился Чанхэ.

— Благодарить меня? Я делаю это ради того, чего желаю сам.

Его глаза холодно блеснули. Он посмотрел вверх крыш, вдаль.

Долина Белого Облака тонула в холодном тумане. То, чего он желал, было абсолютно недопустимо в этом мире, и ради этого он был готов заплатить в тысячи раз большую цену!

Дань Фэн смотрел на него, и ему казалось, что в ресницах Се Хунъи, словно в челноке, проносятся события прошлого. Великая скорбь, безграничная нежность и сожаление, всё то, что они когда-то разделяли, теперь было скрыто в тумане, но в душе остался порыв, желание

сжать кулаки, от которого на глаза наворачивались слёзы.

Хотелось лишь одного — крепко обнять этого человека.

Несмотря ни на что, заслонить его от ветра и снега, стать ему щитом.

«Но сделал ли я это? Почему, глядя в глаза Се Хунъи, я чувствую, что мы идём в разные стороны?»

— Се Ни!

Ресницы Се Хунъи едва заметно дрогнули.

В горле у Дань Фэна пересохло, и он снова забыл, что хотел сказать.

— Ничего, — наконец произнёс он. — Я здесь недавно, просто... очень по тебе скучаю.

Се Хунъи окинул его тёмным, непроницаемым взглядом.

— Что ж, скучай.

Градоначальник Се развернулся и взмахом рукава удалился. Тень последовала за ним, неся в руках что-то тёмное.

Дань Фэн почувствовал неладное, и тут же ему в лицо прилетела чёрная железная подушка в форме Дракона-факела. Чувство, будто его вышвырнули за дверь, было до боли знакомым.

— Моя подушка! — воскликнул он. — Я так глубоко её спрятал, как ты её нашёл? А где мои усы? На них были два тигрёнка-слуги, куда они делись?

Тень едва заметно качнулась и исчезла.

Дань Фэн заметил её смущение и беззвучно усмехнулся. Пара тигрят-слуг, наспех сделанных в Мастерской Небесных Одежд, была невероятно милой. Неудивительно, что тень попала на крючок.

— Не знаю, — ответил Се Хунъи.

Но не успел он договорить, как в его волосах тихо звякнул медный колокольчик. Один из тигрят зацепился за ленту, и Дань Фэн тут же его схватил.

— Не знаешь? — переспросил Дань Фэн и, дёрнув Се Хунъи за руку, в несколько прыжков взобрался на крышу башни.

Его действия были настолько стремительными, что даже Се Хунъи на мгновение опешил, прежде чем оттолкнуть его.

— Подожди, я струну поменяю, — сказал Дань Фэн, держа в руках оборванную струну, и залез в окно. — Ты же хотел посмотреть вдаль? С этой крыши всё прекрасно видно. Подожди меня немного. Скоро я всё вспомню.

Се Хунъи не знал, какую игру он затеял.

Из башни донеслось несколько пробных звуков струн, а затем всё стихло.

Он сидел на краю крыши и смотрел вдаль. Весь Город Блуждающих Теней был окутан снежной завесой.

День в снежных пустошах был коротким. В сгущающихся сумерках прохожие возвращались домой, словно стаи птиц, устремляясь к тусклому оранжевому свету заходящего солнца. Эта картина вызвала у него смутное чувство дежавю.

В Чанлю редко шёл снег. Во дворце, окружённом Изумрудной завесой и облачной ширмой, капли дождя, бьющие в окна, окрашивались в зеленоватый цвет. В юности, на Террасе Небесных Звуков, он смотрел на летящий пух, и он не казался холодным.

Красный лотос Дань Фэна пролетел сквозь завесу пуха...

...и утонул в заснеженном закате.

Он не успел даже погрузиться в воспоминания о лице, освещённом пламенем красного лотоса, как почувствовал совсем рядом дыхание того человека.

Се Хунъи резко обернулся и увидел, что Дань Фэн, неизвестно когда оказавшийся позади, качнулся и упал прямо ему на колени!